

НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НИЖЕГОРОДСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО)

В. Ф. Соколова

В научной, художественной и публицистической литературе трудно найти имя более компетентного знатока и исследователя церковного раскола, чем П.И. Мельников-Печерский. Чиновник по долгу службы и художник по призванию, он всю свою жизнь посвятил изучению этого специфического явления русской национальной жизни, сам выполнял правительственные поручения по искоренению церковного раскола, чем вызвал ненависть и глубокое презрение со стороны старообрядцев. О Мельникове, зорителе и гонителе старообрядцев, ходили легенды. Известный нижегородский краевед А.С. Гацисский, например, писал в 1877 г.: «Узнал я также о существовании легенды про П.И. Мельникова: когда он ночью вёз из Шарпана святыню шарпанскую — икону Казанской Богородицы, — то на плотине у речки Белой Санохты, под Зиновьевом, вдруг ослеп. Испугавшись, хотел он тут же бросить икону, но дьявольским наваждением отвращён был от этого; зато от дьявола ему потом зрение снова возвратилось» (1).

Тем не менее образ легендарного Мельникова, гонителя старообрядцев и «зорителя» керженских скитов, окружённый в своё время всевозможными небылицами и рассказами, не имел ничего общего с Андреем Печерским, талантливым художником слова, труды которого не потеряли своего значения до настоящего времени. Да и молва значительно преувеличивала жестокость гонителя древнего благочестия. Известно, что, выполняя высочайшее повеление, он закрыл за Волгой шесть скитов из шестнадцати существовавших, из остальных десяти три остались нетронутыми, а в семи были закрыты несколько обителей и опечатаны некоторые часовни. Скитницы получили полугодовой срок, за который они должны были добровольно уничтожить опечатанные здания. Слухи же о том, что Мельников сжигал часовни и растаскивал по бревну избы скитниц, выгонял их из жилищ, не имели под собой основания. Такие факты действительно известны, но проводились эти действия позднее ревизии 1853 г. нижегородскими полицейскими чиновниками. Мельников причастен к этому не был (2).

Ревностный исполнитель правительствен-

ных предназначений, П.И. Мельников в первый период своей чиновничьей деятельности действительно считал старообрядчество вредным и опасным для правительства явлением. В первой половине XIX в. церковный раскол, старообрядчество представлялись правительственным чиновникам тёмной неведомой областью русской народной жизни. «При полном незнании раскола как нравственно-бытового явления, — пишет сын Мельникова-Печерского, А.П. Мельников, — на него смотрели в ту пору как на что-то весьма опасное для государственного строя, особенно скитничество возбуждало опасные подозрения» (3). Мельников-чиновник полностью разделял такие подозрения. Это особенно явно проявилось в его «Отчёте о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» (1854). Так, говоря о недостатках, вообще присущих русскому народу, таких, как «склонность к возмущениям без причины», «вера в самозванцев», «наклонность к самовольству» и т.д., автор «Отчёта...» пишет: «Все эти недостатки раскол возвёл, так сказать, в степень своих религиозных убеждений и, льстя таким образом слабостям народа, глубоко пустил корни в его нравственный быт... Это обстоятельство вместе с тем составляет и главнейший вред, причиняемый раскольниками* народной нравственности и благоустройству государственному» (4).

Безусловно, такой взгляд Мельникова на старообрядчество объяснялся как государственной политикой в отношении церковного раскола, так и его в то время недостаточно глубоким проникновением в суть этого исторического явления. Дальнейшие научные исследования, изучение старообрядческой литературы и многочисленные служебные командировки убедили его в том, что церковный раскол не представляет собой ничего страшного и опасного в политическом отношении. «Когда благодаря целому ряду служебных командировок отец имел возможность подойти ближе к живью раскольничьего быта, проникнуть в самые тайники его, — подтверждает эту мысль Андрей Павлович Мельников, — когда изучил этот быт, он убедился наконец в том, что, по русской поговорке, не так страшен чёрт, как его малюют; когда же высвободился из-под влияния взглядов тогдашнего епископа нижегородского

*Известный знаток церковного раскола, крупный специалист по истории древней русской литературы, автор многочисленных работ о протопопе Аввакуме, В.И. Малышев считал, что раскольниками следовало бы назвать приверженцев официальной русской церкви, поскольку именно они изменили древним русским традициям и постановлениям Стоглавого собора.

Иакова, под руководством и отчасти по указаниям которого им сделаны были первые шаги на поприще знакомства с расколом, он открыл в быте раскольников, в жизненном укладе много симпатичного и светлого, чему могли бы позавидовать и поучиться представители господствующей церкви. И вот он резко изменил свой взгляд, из „гонителя” и „зорителя”, как его величали раскольники, стал их защитником...» (5). Это нашло отражение в последующих работах Мельникова, в частности, в «Записке о расколе» (1856) и особенно в его своеобразной эпопее «В лесах» и «На горах» (1868–1880), в которой он создал немеркнущие по художественной выразительности образы старообрядцев, носителей лучших черт русского национального характера.

Нравственное состояние и экономическое положение приверженцев старой русской веры достаточно полно и верно Мельников раскрыл уже в своём «Отчёте о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии», черновые главы которого нарасхват ходили по рукам в кругах столичного общества и читались с таким же захватывающим интересом, как и его художественные произведения — настолько был силен интерес образованного русского общества к закрытой до тех пор стороне русской национальной жизни — церковному расколу. Этот официальный документ явился для Мельникова-художника своеобразной копилкой материалов для его знаменитой эпопеи о нижегородских старообрядцах, ко времени работы над которой произошла серьёзная эволюция в его отношении к сторонникам древнего благочестия.

До настоящего времени разделы «Отчёта о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии», где раскрыта бытовая сторона жизни и экономическое положение нижегородских старообрядцев XIX в., не утратили своего научно-этнографического значения.

Независимо от определённо выраженной идеологической позиции составителя «Отчета...», в нём даётся объективная оценка современного церковного раскола, раскрываются как тёмные, так и светлые стороны нравственного состояния последователей Аввакума.

Особое внимание автор «Отчёта...» заостряет на верованиях и религиозных обрядах старообрядцев, рассказывает о широкой сети в крае их духовно-религиозных центров — часовен, молелен, — частыми посетителями которых становились даже прихожане официальной церкви. Только одна городецкая часовня насчитывала около 50000 прихожан. Считая крайне опасным такое положение, Мельников пишет: «Кроме свращения в раскол и приёма в оный православных беглыми часовенными попами, иногда при городецкой часовне хоронят... даже православных... не-

которые..., видя неприкосновенность городецкой часовни, до того соблазняются, что просят даже своё начальство о дозволении хоронить по раскольничьему обряду...» (6).

Кроме часовен, Мельников насчитывает в Нижегородской губернии 126 «дознанных моленных», располагавшихся обычно в домах зажиточных старообрядцев, в которых религиозные обряды проходили даже с ведома полицмейстера, городничих, исправников и станowych приставов.

Особенно много народа стекалось на поклонение святым местам: мощам, чудотворным иконам, невидимым монастырям. Что касается святых мощей, то они находились исключительно в Семёновском уезде на местах ранее уничтоженных скитов. Это, прежде всего, мощи Софонтия в шести верстах от г. Семёнова близ нижегородско-вятской дороги. Софонтий был монахом Соловецкого монастыря и находился в нём в момент его осады. Бежав на Керженец, он основал так называемую «стариковщину», или софонтиевское согласие, члены которого призывали к самоожжению в ответ на действия властей.

Не менее почитаемы были мощи Арсения, захороненные неподалёку от могилы Софонтия. Старообрядцы считали Арсения, будто бы чудесно перенесённого с Соловков в керженские леса, первым основателем заволжских скитов. Почитали старообрядцы также место казни Макария и других девятнадцати своих единомышленников, сожжённых по приказу Петра I. Место это — глубокая яма недалеко от скита Комарова, где будто бы когда-то пылал костер, в котором приняли мученическую смерть воспротивившиеся реформам царя-преобразователя старообрядцы.

Если в «Отчёте о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» Мельников-Печерский лишь констатирует факты, имевшие место в жизни, то в дилогии «В лесах» и «На горах» он воспроизводит жизнь своих героев-старообрядцев в ярких художественных картинах. Как живые встают перед нами старицы и белицы Комаровского скита, отправляющиеся на поклонение гробнице отца Софонтия. «Пусто теперь место, где, укрываясь под сенью дремучего леса, когда-то стояла невеликая, но по всему Керженцу и по всему старообрядчеству славная обитель соловецкого выходца Софонтия... запустело место, откуда выходили рьяные проповедники „древнего благочестия” в Прикамские леса, на Уральские бугры и в дальнюю Сибирь, рассказывает Андрей Печерский. — „Кержаками” донны не в тех местах старообрядцев зовут, в память того, что зашли они туда с Керженца из скитов Софонтиевского согласия» (7).

Главной святыней героев романа «В лесах» является хранящаяся в Шарпане икона Казанской Пресвятой Богородицы. Недаром игуменья Кома-

ровского скита мать Манефа, предупреждая стариц керженских скитов о надвигающейся опасности, заботится прежде всего о шарпанской святыне, поскольку глубоко убеждена, что с изъятием иконы неминуемо падение старообрядческого Керженца. Так гласит предание, согласно которому именно эта икона привела соловецкого монаха Арсения в заволжские леса, где он основал первый старообрядческий скит.

В «Отчёте...» 1854 г. Мельников писал по этому поводу следующее: «Иконы, оглашаемые раскольниками чудотворными, находятся в разных местах. Из них особенно замечательны по влиянию на народ: Казанской Богородицы, бывшая в Шарпанском ските, и Николая Чудотворца, находившаяся в моленной Глафириной обители Комаровского скита; в 1848 г. взяты (тем же П.И.Мельниковым. — В.С.), и первая из них поставлена в единоверческой керженской мужской обители» (8).

Раскрывая духовную сторону жизни защитников дониконовского вероучения, Мельников чиновник перечисляет селения по всем уездам губернии, где собираются старообрядцы для «слушания поучений», подчёркивая в то же время, что подобные собрания устраивают только старообрядцы Спасова согласия. Причём, собираясь, они не производят общественных молений, «не читают часов», «не поют вечерен и всенощен», а слушают книги-четьи, преимущественно Пролог, Маргарит, Кириллову, а также толкования своих наставников. Собрания же обычно устраивались тайно, преимущественно тогда, когда шла служба в официальной церкви и духовенство, занятое исполнением своих непосредственных обязанностей, не имело возможности контролировать ситуацию во вверенных им приходах.

Относительную свободу вероисповедания нижегородских старообрядцев XIX в. Мельников-Печерский объясняет попустительством и мздоимством местного начальства, тесной спайкой членов старообрядческого братства, которое держалось «твёрдо взаимным вспоможением». Если прихожане официальной церкви больше всего боятся пожара, неурожая, падежа скота да наезда станowego, то старообрядцу даже такие беды не страшны: братство всегда восполнит нанесённый урон и обеспечит заступничество. Старообрядец-купец всегда может рассчитывать на помощь собратьев в случае банкротства.

Характерно, что все старообрядческие общины были тесно связаны между собой. Они оперативно извещали друг друга о надвигающейся опасности: возможных неблагоприятных для них действиях со стороны официальной церкви, предпринимаемых мерах правительства.

Рассказав об этом впервые в «Отчёте о современном состоянии раскола в Нижегородской гу-

бернии», Мельников-Печерский использует свои наблюдения над жизнью старообрядческого Заволжья при работе над романами «В лесах» и «На горах», где зримо воспроизводит тревоги своих вымышленных героев по поводу доходящих до них неприятных известий, нередко грозящих в корне изменить их жизнь. Достаточно вспомнить, как всполошилась матушка Манефа, получив от Дрябиных из Петербурга «тарабарскую грамоту»: «Писал Дрябин, что дошло до Петербурга о Шарпанской иконе, и о том, что тамошни старицы многих церковников в стару веру обратили... потому и хотят послать из Петербурга доверенных лиц разузнать о том доподлинно, и если Шарпан ставлен без дозволения, запечатать его, а икону, оглашаемую чудотворной, взять... и по всем другим скитам Керженским и Чернораменским такая же переборка пойдёт...» (9).

«Тарабарская грамота»... Это своеобразная тайнопись, к которой прибегали старообрядцы в своей переписке. «Велено, — писал Дрябин, — по всей скорости шо шле лтики послать, чтоб их ониласи и шель памоц разобрать и которы но мешифии не приписаны, тех бы шоп шилсак...». «Это так называемая „тарабарская грамота“, — поясняет Мельников-Печерский в подстрочной сноске, — бывшая в употреблении еще в XVII в. и ранее. Некогда она служила дипломатической шифровкой, теперь употребляется только старообрядцами в их тайной переписке. Пишут согласные буквы русской азбуки в таком порядке:

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н
щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п
и употребляют б вместо щ, щ вместо б
и т.д.» (10).

Как в официальных документах, так и в художественных творениях Мельников пишет о широком распространении среди старообрядцев грамотности. Об этом свидетельствуют, кстати, и документы Нижегородской духовной консистории. Под своими показаниями старообрядцы подписывались, как правило, сами, в то время как крестьяне, бывшие приверженцами официальной церкви, вместо подписи ставили какой-либо знак. Нередко за них расписывался приходский священник.

Судя по «Отчёту...» Мельникова-Печерского и его романам «В лесах» и «На горах», дети старообрядцев обучались дома или у мастериц, а чаще в скитах. Дома обучались обычно те дети, у которых мать грамотна. А таких женщин в старообрядческом Поволжье было много. Если мать была неграмотна, то богатые родители брали для детей «мастериц», детей недостаточно состоятельных людей «мастерицы» собирали у себя дома, открывая таким образом школу. Но чаще всего дети богатых старообрядцев (преимущественно девушки) проходили обучение в скитах, которые нередко при-

обретали значение своеобразных пансионатов, где учили, кроме чтения и письма, пению, богослужебным обрядам и даже рукоделию. В скитах проходят обучение и воспитание почти все героини романов «В лесах» и «На горах»: Настя и Параша Чапурины, Дуня Смолокурова и др. Поэтому официальная церковь считала скиты рассадниками религиозного раскола.

В Государственном архиве Нижегородской области хранятся многочисленные дела о старообрядческих скитах, в которых велось обучение и воспитание девиц. Так например, священник села Пафнутьево Самсон Тихонравов доносил в 1853 г. епископу Нижегородскому и Арзамасскому, что жители сёл Ронжино, Елфимово, Васильево и др. «отдают своих дочерей на жительство в Комаровский скит... Они выходят оттуда — и в скитском духе влияют на всю семью... А посему Вашему преосвященству, в заключение сказанного мною, честь имею доложить, чтоб если не было бы в означенных приходах скитов, то не было бы, предполагаю, и раскола» (11). И таких дел в архиве много.

Были нередки случаи, что приверженцы официальной церкви отдавали своих детей на обучение тем же «мастерицам», т.е. грамотным женщинам-старообрядкам, которые занимались с детьми единоверцев. Причину этого Мельников-Печерский видит в том, что «народ наш привержен к буквам церковным, к обучению детей по псалтырю и часословам» (12).

Большинство же детей обучались в школах. Мельников насчитывает около 200 старообрядческих школ только в Нижегородской губернии, обычно открываемых в домах зажиточных людей. Безусловно, большинство из них существовало тайно и нередко преследовалось губернским начальством. В «Отчёте...» констатируются факты, раскрывающие причины этих преследований. «Мастерица» внушает детям мысли о том, что официальная церковь проклята и посещение её будет наказано за гробом страшными мучениями. «При изучении псалтыря „мастерица“ показывает детям напечатанную в той книге руку с двуперстным знаменем креста и внушает ученикам, что таким крестом молиться заповедовали святые отцы, и вслед за тем хулит трехперстное сложение..., говоря, что „щепоть“ есть знамение антихриста... Само собой разумеется, что вышедшие из таких школ делаются впоследствии закоренелыми раскольниками, ибо детские впечатления сильно действуют на человека» (13).

Широкое распространение грамотности среди старообрядцев обеспечивало благодатную почву для их духовного развития. Достигнув старости и передав все свои дела детям, отец, как правило, посвящал себя всецело молитве и чтению книг исключительно духовного содержания. Обычно это были старопечатные и старописьменные книги,

напечатанные или написанные до 1655 г. Использовались и переводные книги, перепечатанные в XVIII в. преимущественно с иосифовских изданий в Почаевской, Супрасльской, Виленской, Гродненской или Львовской типографиях. В основном это были книги священного писания (Евангелие, Псалтырь, Апостол), богослужебные (часовники, часословы, канонники, молитвословы, святцы и др.) и книги-четы.

Грамотность была необходима в торговых и производственных делах. Занимаясь преимущественно промыслами и торговлей, старообрядцы должны были вести строгий учёт и поддерживать переписку с нужными людьми.

Раскрывая экономическое состояние старообрядцев, Мельников-Печерский отмечает, что они «завладели промышленностью и торговлей в большей части Нижегородской губернии» (14). В их руках была торговля хлебом, маслом, рыбой, скотом, дёгтем и т.д. В круг их промысловых занятий входило судостроение, маслобойничество, перемол хлеба, кожевенное и овчинное производство, кузнечные работы и т.д. «Чрезвычайно редко встречается в Нижегородской губернии раскольник вялый и неповоротливый, — пишет Мельников-Печерский, — самая лень, столь свойственная человеку русскому, в раскольнике заметна несравненно менее..., он и не так беззаботен..., отступился он от исконного правила человека русского: „Авось, небось, да как-нибудь“, оттого-то раскольники все деятельны, а от деятельности и зажиточнее» (15). Недаром в местах восточной России, подчёркивает он, бытует поговорка: «у Кержаков нет дураков» (16).

Характеризуя старообрядца, Мельников отмечает присущее ему чувство собственного достоинства, умение независимо держаться с чиновником, почтительность и предупредительность в разговоре с нужным лицом. В сношениях со своими единомышленниками «прост, ласков, но всегда степенен» (17).

Как тут не вспомнить главного героя романа «В лесах», Потапа Максимыча Чапурина, добродушного заволжского тысячника, легко находившего общий язык даже с губернским начальством, опору и защиту заволжских старообрядческих скитов, поддерживающего тесные отношения с единоверцами разных городов и губерний. «...Во время отлучек из дому, — рассказывает о нём автор, — по чужим местам жить в раскольничьих домах бывало ему привольней и спокойней. На Низ ли поедет, в верховы ли города, в Москву ли, в Питер ли везде и к малознакомому раскольнику идёт он, как к родному. Всячески его успокоят, всё поберегут, всё сохранят и всем угодят» (18).

Сведения об истории церковного раскола и современном состоянии русского старообрядчества Мельников получал из разных источников. Он не

ограничивался исторической литературой и современными публикациями о старообрядцах. Он сам проводил серьёзную научно-исследовательскую работу: изучал хранящиеся в скитах рукописи, состояние дел на Нижегородской ярмарке, исследовал переписку старообрядцев и другие архивные документы. Известно, что он привлёк на помощь «Статистические таблицы Российской империи», изданные Статистическим Комитетом в 1863 г. Богатый материал почерпнул Мельников из «Записки о Рогожском кладбище» протоирея Арсеньева, которая находилась в следственном деле о действиях А.Кочуева (1854 г.). В его руки попала переписка Рогожского кладбища. Все эти документы дали ему основания рассматривать Рогожское кладбище как организацию, членов которой объединяли не только религиозные, но и материальные интересы. В «Очерках поповщины» Мельников даёт своеобразную справку о капиталах Рогожского кладбища. Он пишет о тесных связях капиталистов этой религиозной организации: «Так например, московским хлебным торговцам нужны были верные агенты для выгодной закупки хлеба в плодородных губерниях, и они таких имели в Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерниях в среде тамошних старообрядческих общин... Рыбные торговцы имели верных людей из своих единоверцев на Дону, на Урале и на низовьях Волги... Они доставляли в Москву скорые и верные сведения об улове рыбы, о количестве забранной из казённых запасов соли, о добыче икры, вязиги, клею и других рыбных товаров» (19).

Благодаря такой спайке старообрядцы могли устанавливать цены не только на хлеб и рыбу, но и на многие русские изделия.

Об этом же, но в образной форме, Мельников-Печерский говорит и в романе «На горах». Достаточно вспомнить, как Смолокуров, получив через Веденева сведения от московских старообрядцев о предстоящем большом спросе на тюленя, хотел обмануть Доринина. Из полученных Веденевым сведений видно, что их московские единоверцы знают не только об ожидаемом недороде хлопка в империи, но извещены о том,

что хлопок будет ввозиться из-за границы.

Тем не менее книга и архивные материалы не были для Мельникова основными материалами, раскрывающими жизнь русских старообрядцев. Самые верные сведения о них он получал путём личного общения с ними.

Упорный труд по исследованию русской народной жизни, талант и природная наблюдательность дали Мельникову возможность запечатлеть на память грядущим поколениям старинный жизненный уклад и воссоздать нравственный облик ревнителей древнего благочестия, сохранивших в трудных условиях выживания национальные основы бытия, сумевших выстоять и отстоять духовную независимость и своё место в суровой, а подчас враждебной им действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гацисский А.С. У невидимого града Китежа // Древняя и новая Россия. 1877. №3. С.278.
2. Известия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии. Ч.1. Нижний Новгород, 1910. С.9. (Далее – ИНУАК).
3. Там же. С.8.
4. Там же. С.241.
5. Там же. С.9.
6. Там же. С.176.
7. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собрание сочинений в 6-ти томах. М., 1963. Т.III. С.32. (Далее – Мельников-Печерский).
8. ИНУАК. С.190.
9. Мельников-Печерский. Т.3. С.24.
10. Там же. С.22.
11. Государственный архив Нижегородской области. Ф.570. Оп.582. Д.88. Л.3.
12. ИНУАК. С.289.
13. Там же. С.293.
14. Там же. С.282.
15. Там же. С.259.
16. Там же. С.287.
17. Там же. С.259.
18. Мельников-Печерский. Т.2. С.13.
19. Русский вестник. 1866. Кн.5. С.14–15.

